

М. А. Логинова

Л. БОГОРАЗ: ДИССИДЕНТСТВО — МОЩНЫЙ ПРОРЫВ К СВОБОДЕ

**«Хроника текущих событий» (1968—1983)
о правозащитном движении в СССР**

Еще совсем недавно по меркам исторической науки наша страна представляла собой государство с административно-командной системой и догматом социалистической идеологии. Этот социальный эксперимент не удался, но его опыт и уроки очень ценны. Несмотря на жесткий контроль над умами людей со стороны государства и наличие мощной идеологически-репрессивной машины, в обществе, изнутри, зародилась другая система ценностей, показавшая большую жизнеспособность даже в условиях жесточайших преследований. Инакомыслие в СССР стало важным и закономерным этапом в развитии советского государства, а наиболее ярким его проявлением явилось правозащитное движение, вставшее на путь открытого противостояния режиму. Однако многие сюжеты истории движения за права человека в нашей стране до сих пор неизвестны широкой публике, а опыт изучения этого общественного явления современной наукой только складывается. Из-за отсутствия должного уровня осмысления феномена диссидентского движения оценки его роли в истории СССР, основанные зачастую на эмоциональном восприятии прошлого их авторами, подменяются хвалебным описанием деятельности его участников или их резкой критикой¹.

Негативное отношение к правозащитникам советского периода обусловлено тем, что суть этого движения сводится к политической оппозиции, которая в дальнейшем дискредитировала себя неучастием в крушении советской власти либо отсутствием цели смены политического режима².

Другая точка зрения, преобладающая у большинства бывших диссидентов и исследователей, состоит в том, что движение сопротивления было порождено недостатками самого строя, и, выразив протест против подавления личности, ее гражданских прав и свобод, правозащитники перед всем миром поставили вопрос о сущности коммунистического общества³. Рассуждая о смысле своей деятельности с позиций сегодняшне-

го дня, участники движения за права человека все-таки настаивают на «неполитичности», «непартийности» и «неидеологичности» как основных принципах работы, называя диссидентское движение скорее «литературным», «нравственно-этическим», «освободительным». Несмотря на разнородность его состава, разброс целей и убеждений, все они сходятся во мнении, что их подвиг заключался в примере демонстрации внутренней свободы личности, в требовании нравственности политики⁴.

Формированию более объективного взгляда на явление инакомыслия способствует тщательное и вдумчивое изучение источников, информационный потенциал которых до сих пор не раскрыт в полной мере. Основным документальным свидетельством по истории правозащитного движения является самиздатовский информационный бюллетень «Хроника текущих событий» (ХТС), выходивший в СССР с 1968 по 1983 г. (всего 65 номеров). Уникальность ХТС заключается в том, что это было единственное периодическое издание, где с большой территории страны собиралась информация о деятельности всех течений диссидентства, об их взаимоотношениях с властью, обо всех, ставших известными фактах нарушения прав человека. Повышает значение этого источника и заранее заявленное стремление авторов к максимальной фактологичности в изложении материала, проверке точности информации, отказ от собственных оценок и комментариев. Кроме того, несмотря на попытки властей прекратить выход «Хроники», аресты и преследования ее создателей, бюллетень по продолжительности издания и масштабу охватываемой проблематики не сравнится с другими самиздатовскими журналами. Именно поэтому НИПЦ «Мемориал» принял решение сделать «Хронику» максимально доступной для всех желающих, разместив ее номера на своем сайте в Интернете⁵.

Привлекая «Хронику текущих событий» к изучению истории правозащитного движения в СССР, исследователь получает богатый фактический материал, позволяющий сделать серьезные выводы о месте этого явления в советской действительности. В данной работе к правозащитной тематике отнесена лишь та информация, которая связана с деятельностью правозащитников как представителей отдельного диссидентского направления: индивидуальные акции протеста, создание различных организаций, апелляция к общественности через самиздат, а также гражданская позиция правозащитников, от которой они не отказывались в условиях преследований со стороны властей.

Авторский состав ХТС постоянно менялся. Сбором материала и выпуском «Хроники текущих событий» занимались такие известные представители диссидентства, как Павел Литвинов, Лариса Богораз, Петр Якир, Виктор Красин, Илья Габай, Петр Григоренко, члены инициативной группы по правам человека Татьяна Великанова, Сергей Ковалев, и

др. В 1968 г. Наталья Горбаневская стала редактором ХТС, первый номер которой вышел 30 апреля. Тиражирование журнала осуществлялось самими читателями по мере его распространения. Издатели «Хроники» переправляли бюллетень на Запад, благодаря чему все выпуски сохранились.

В начале 1970-х гг. правительство развернуло репрессии против правозащитного движения в целом, в том числе против ХТС. В 1972 г. были арестованы десятки людей, причастных к созданию журнала (знаменитое дело 24 против издателей и распространителей «Хроники»)⁶. Выпуск ХТС приостановился более чем на год, но сбор сведений продолжался, и в 1974 г. вышли 29-й и 30-й номера, а за ними и 28-й за 31 декабря 1972 г. В дальнейшем бюллетень издавался без перерывов, но с большей периодичностью из-за возросшего объема информации (в период с мая 1974 г. по октябрь 1983 г. публиковалось по 3—4 выпуска в год в отличие от прежних шести⁷). С арестом осенью 1983 г. одного из постоянных составителей ХТС Юрия Шихановича выпуск журнала прекратился навсегда.

«Хроника» являлась общим и, возможно, главным делом всего правозащитного движения, его стержнем. Именно так ее воспринимали распространители, читатели и корреспонденты. Они ощущали себя такими же участниками этого дела, как те, кто набирал или составлял макет очередного выпуска, так как рисковали не меньше.

В журнале представлены разнообразные сведения: судебные политические процессы, внесудебные преследования, положение политзаключенных в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах, деятельность правозащитных организаций и отдельных лидеров движения (соответственно и названия разделов: «Суды», «В тюрьмах и лагерях», «Внесудебные преследования», «Обыски и допросы», «Аресты», «В психиатрических больницах», «Письма и заявления», «Краткие сообщения», «Биографии»).

Описание судебных политических процессов занимает довольно большое информационное пространство «Хроники» и представляет собой беспристрастное освещение следствия по делу и ход разбирательства. Степень подробности изложения материала зависела от наличия у редакции информации, получить которую было весьма непросто. Политические процессы шли по одному сценарию: это был своего рода эталон партийной «гласности» — открытые слушания за закрытыми дверями, со специально подобранной публикой (зрители в зал заседания попадали по спецпропуску). Однако сообщения о судах над «узниками совести» регулярно выходили почти в каждом выпуске ХТС. В первых номерах «Хроники» уделяется большое внимание детальному описанию подробностей каждого слушания (процесс Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, В. Добровольского, В. Лашковой, привлеченных за распространение самиздата⁸; дело участников демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию

в 1968 г. — К. Бабицкого, В. Делоне, В. Дремлюги, В. Файнберга, Л. Богораз, Н. Горбанеской, П. Литвинова⁹; дело А. Марченко в связи его протестом против действий СССР в Чехословакии¹⁰; и др.). Приводилась короткая справка о подсудимом, назывались имена судей, обвинителей, адвокатов, степень открытости судебного процесса. Публиковалась информация о ходе самого разбирательства, вопрос о расследуемых фактах подавался в свете существующего законодательства: обвинение, сроки и условия содержания политзаключенных во время следствия излагались вместе с выдержками из соответствующих статей Уголовного кодекса. У читателя была возможность самому убедиться в нарушении законов во время всего судебного процесса: изложение материала позволяло даже не искушенным в этих вопросах людям увидеть доказательства нарушения гласности суда, несостоятельность предъявленных обвинений или несоответствие приговора существующему законодательству и т. п.

В ХТС приводилась также информация о кассационных жалобах, заявлениях адвокатов подсудимых о пересмотре дела и об ответах на них соответствующих инстанций. Описывался общественный резонанс после суда: реакция советской прессы (заказанные властью статьи), письма правозащитников о решении суда, распространенные в самиздате. С 12-го выпуска (1970) на страницах «Хроники» периодически появляется информация о реакции мировой общественности на судебные политические процессы (акция протеста в 1970 г. членов Итальянского молодежного комитета «Эуропа Чивильта» против несоблюдения законности судопроизводства по делу П. Григоренко, Ю. Галанскова, Н. Горбанеской, осужденных по ст. 190-1 «Создание и распространение литературы, содержащей клеветнические сведения, порочащие советский государственный строй»)¹¹.

По мере того как отрабатывались методы получения информации, материал стал излагаться по одной схеме, увеличилась информативность этих сообщений. Начиная с 17-го выпуска (1970) в ХТС публикуется последнее слово обвиняемого (суд над А. Амальриком и Л. Убожко, ст. 190-1 УК РСФСР). Это было очень важным моментом для правозащитного движения и общества в целом. Вопреки усилиям официальной пропаганды по стране расходились тысячи листочков папиросной бумаги с текстами «последних слов» подсудимых, и все, кто читал их, знали: они не признали себя виновными. Для исследователя такой документ также имеет большое значение, поскольку из последнего слова обвиняемого можно почерпнуть уникальные сведения о личности диссидента, его мотивах, об истоках его инакомыслия, о тех принципах и взглядах, которых он придерживался.

Следует отметить еще одну важную особенность публикаций ХТС. Ее составители добросовестно следили за развитием событий по каждому

делу, поэтому в выпусках регулярно появляются новые подробности дела, ставшие известными редакции, исправления и дополнения к информации, изложенной в предыдущих номерах и оказавшейся недостоверной (так, судьба П. Григоренко отслеживается на протяжении 8, 9, 11, 12, 14-го выпусков).

В 1970-е гг. (начиная с 34-го номера) из-за расширения географических тематических рамок журнала и резко возросшего объема обрабатываемой информации в условиях преследований со стороны властей изложение судебных процессов несколько изменилось. Они стали раскрываться не так подробно, описывается только суть дела: подсудимый, прокурор, адвокат, судья, выдвигаемое обвинение, приговор. Тем не менее освещение процесса в свете существующих законов и их нарушений сохраняется.

В этот период в стране прошел ряд громких политических процессов, в результате которых были арестованы многие знаковые в мире диссидентства фигуры. В июле 1972 — декабре 1973 г. развернулись баталии по делу 24 против Якира и Красина за участие в изготовлении «Хроники»¹². По аналогичному обвинению, а также по ст. 70 УК СССР («Анти-советская агитация и пропаганда») был осужден Ю. Шиханович (октябрь 1972 — декабрь 1973 г.) за хранение и распространение самиздата¹³. В феврале 1973 г. из страны выслан А. Солженицын после публикации романа «Архипелаг ГУЛАГ»¹⁴. В апреле 1975 г. арестован А. Твердохлебов, один из основателей Комитета прав человека, составитель самиздательского сборника «Международная амнистия»¹⁵. В декабре 1975 г. состоялся суд над членом инициативной группы по правам человека, участником советской группы международной амнистии Сергеем Ковалевым. Он обвинялся в поддержке многих известных арестованных правозащитников (Григоренко, Буковского, Солженицына, Сахарова), в хранении запрещенной литературы, в возобновлении выпуска журнала «Хроника текущих событий», в ее передаче за границу¹⁶.

Главной чертой всех без исключения политических процессов 1960—1970-х гг. было то, что на них речь шла не о факте совершения деяния, а о праве на это деяние. Государство в лице органов безопасности и юстиции каждый раз пыталось обсуждать только факты, считая заведомо известным их преступный характер. Обвиняемые упорно отказывались признавать себя виновными. Но достаточно ли одного убеждения в своей правоте? Что есть закон? Что есть право? Именно вокруг этих вопросов по существу и шел спор между судом и обвиняемыми, дискуссии о месте прав человека в советском законодательстве развернулись на страницах самиздата¹⁷.

В судебных политических процессах, освещенных на страницах ХТС, постоянным является требование правозащитников обеспечить полную

гласность судопроизводства и строгое соблюдение процессуальных норм. Поскольку судебные инстанции руководствовались не законностью, а идеологической целесообразностью, то в ряде случаев обвиняемые и свидетели отказывались от участия в следствии. Так, отказался давать показания и отвечать на вопросы суда А. Амальрик¹⁸. В следствии по делу 24 правозащитники Т. Великанова, Т. Ходорович, С. Ковалев отказались от участия в следствии. В качестве мотивов были названы систематические процессуальные нарушения при проведении процессов по ст. 190-1 и ст. 70 УК РСФСР, неправомерность приговоров по этим статьям. Ни на одном из известных процессов не была доказана ложность, тем более заведомая, распространенная в самиздате информации¹⁹.

Законодательство об «антисоветской деятельности» не могло бы выдержать серьезной правовой экспертизы. В данном случае законы подводились под уже существующую практику карательных органов. Ни «самая демократическая в мире Конституция», ни даже печально известные статьи 190-1 и 70 УК РСФСР при условии их буквального и добросовестного понимания не отрицают естественных прав личности. Но расплывчатость формулировок давала простор произволу. Таким образом, смысл этих судебных политических процессов сводился не к доказательству вины подсудимого (как того требует логика судопроизводства), а к поддержанию государственной монополии в области идеологии, к необходимости вовремя указать обществу, что самостоятельные поиски справедливости, пусть даже и опирающиеся на законы, недопустимы. Однако почему политические судебные процессы проходили и над теми, кто просто добивался реализации своего признанного властью права, кто еще не усомнился в режиме, кто был даже убежденным сторонником советской системы, кто открыто заявлял об отсутствии политических целей? Просто кроме насилия государству нечего было противопоставить диссидентам: доводы логики и здравого смысла были именно на их стороне.

С другой стороны, готовность правозащитников к тюрьмам и ссылкам за убеждения при понимании того, что их искалеченная судьба не улучшит положения с правами человека, говорит еще и о появлении нового типа сознания в советском обществе. Советское государство пыталось воспитать человека на принципах равенства, которое понималось столь радикально, что стирались принципиальные различия между индивидуумами: люди стали думать одинаково, одинаково воспринимать действительность. Правозащитники же продемонстрировали новый тип поведения человека, не согласного думать «как все», готового открыто отстаивать свою позицию и нести ответственность за свое будущее. Они не выбрали путей насилия и террора, кулуарных подпольных рассуждений о недостатках строя, не устроили политического заговора. Они предпочли открыто выражать свои взгляды, апеллируя к закону. Для многих право-

защитников, которые не признали свою вину, судебные политические процессы стали публичной демонстрацией принципа внутренней свободы и нравственной ответственности человека. Это было чуждо советской системе, но принципиально для будущего развития России.

Политические судебные процессы получили широкий общественный резонанс, вызвали к активной деятельности будущих правозащитников, которые придали судебным разбирательствам международную огласку. Несмотря на это политические судебные процессы применялись на протяжении всего периода существования правозащитного движения, т. е. режим был готов нести колоссальные «издержки» вовне, идти на осложнение отношений с Западом по вопросам прав человека, но не мог допустить вполне мирной и законопослушной оппозиции внутри. Постепенно стала формироваться база альтернативных методов борьбы с диссидентами на основе использования более скрытых форм преследования (использование психиатрии, высылка за границу, кампании по дискредитации).

Режим требовал от своих подданных не просто молчаливой покорности, а вполне активного одобрения. После нескольких «оттепельных» лет, когда в обиход вошли понятия «гражданская совесть», «нравственная ответственность», общество в большинстве своем под нажимом власти вернулось к покорному состоянию. Сотни тысяч людей вынуждены были выбирать между совестью и благополучием. Но те, кто выбирали гласность, не могли молчать.

Практически в каждом номере «Хроники» приводятся важнейшие письма с наибольшим числом подписей, которые являются откликом на судебные процессы. Это письма генеральному прокурору СССР, в ЦК КПСС об отсутствии гласности и вмешательстве органов КГБ в обстановку суда, письма родственников и друзей подсудимых в редакции газет с опровержением опубликованных на их страницах статей (письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному, генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко²⁰). В обращении в Комиссию по правам человека ООН говорится о том, что в СССР людей осуждают за их политические взгляды и идеи. Нарушение права иметь независимые убеждения в послании упоминается в связи с судами над верующими, в процессах над участниками демонстрации против ввода войск в Чехословакию, над советскими евреями, требующими выезда в Израиль, и др.²¹. Отмечается, что все обращения остаются без ответа, в то время как многих «подписантов» увольняют с работы, насильственно помещают в психиатрические больницы, вызывают на беседы в КГБ, где угрожают арестом.

Скрытые формы преследований инакомыслящих стали постоянной рубрикой бюллетеня с первого выпуска. Информация о них систематически собирается редакцией и подается в традиционной для ХТС форме — подробном изложении фактов и отсутствии эмоциональных оценок.

Но они и не нужны, абсурдность обвинений и угроз и так очевидна читателю²².

Внесудебные политические преследования как метод борьбы с диссидентами находился в арсенале КГБ с самого начала зарождения правозащитного движения. В 1969 г. П. Григоренко, комментируя суд над И. Белгородской, пишет: «В нашем обществе запрещено вступаться за тех, на кого обрушивается — справедливо или нет — государственная машина за простую подпись в защиту невинно осужденного... людей подвергают незаконным репрессиям. Это тоже отрывка сталинских времен, только тогда за такое “преступление”, выраженное даже словесно, сажали в тюрьму, а у нас до сих пор ограничивались увольнением с работы, исключением из партии и комсомола, изгнанием из вуза»²³.

Так, после шумевшего процесса Гинзбурга и Галанскова началась кампания по запугиванию их родственников и друзей. С Жолковской (невеста Гинзбурга) и Тимофеевой (жена Галанскова) в прокуратуре Москвы была проведена «профилактическая беседа» о том, что они распускают ложные сведения о процессе, прозвучали угрозы применения статьи 190-1 УК РСФСР²⁴. К. Бабицкому за подпись под письмом по этому процессу на неопределенный срок отложили защиту диссертации²⁵. М. М. Громыко, доктор исторических наук Института истории, философии и филологии СО АН, профессор Новосибирского университета, была отстранена от преподавания, а В. Милашевич и В. Лебедев уволены «по сокращению штатов»²⁷.

После этого процесса в конце 1968 г. был введен «новый метод» производства обысков. При подозрении в хранении самиздатовских работ за отсутствием доказательств фабриковалось любое нелепое обвинение, зачастую даже гипотетически несостоятельное, и производился обыск, например, «по подозрению в ограблении Юрмалаского отделения Госбанка», «за взятки за установку телефонов» и т. д.²⁸

Многим талантливым ученым, которые связали свою судьбу с борьбой за права человека, приходилось отказываться от успешной карьеры. В. Н. Чалидзе по идеологическим мотивам был отстранен от руководства группой физики полимеров НИИ пластических пластмасс²⁹. Младший научный сотрудник А. Твердохлебов по рекомендации редколлегии реферативного журнала «Физика» секцией физико-математических наук не был переизбран на новый срок. Единственная причина — общественная деятельность Твердохлебова, который являлся членом Комитета по защите прав человека, никаких претензий к его работе как научного сотрудника не было высказано³⁰.

Из подобных преследований диссидентов и их близких становилось понятно, что в Советском Союзе благополучие являлось синонимом покорного согласия и одобрения официальных догм. Отсутствие идейной

поддержки действий власти означало, что условия существования станут невыносимыми, вольнодум будет исключен из всех социальных групп.

Применение незаконных методов борьбы с инакомыслящими говорит о том, что КГБ изначально осознал всю опасность этого общественного явления — нового типа мышления и поведения, а потому своей целью ставил не просто изолировать человека от общества — важно было сломить его как личность, деморализовав, таким образом, все движение. Повышенное внимание к борьбе с правозащитниками позволяет утверждать, что влияние диссидентского движения на режим, по-видимому, было существенным.

Представленная в ХТС тюремно-лагерная тематика содержит уникальную информацию, так как сведения о местах заключения отражались, и достаточно емко, лишь в правозащитном бюллетене, буквально в каждом из его выпусков: за какие действия и по какой статье осужден, в каких условиях содержится, в каких акциях протеста против бесправия заключенного принимал участие, состояние здоровья, точный адрес заключения и т. д.

Таким образом, и в лагерях благодаря публикациям ХТС изменилась атмосфера: попавший туда не исчезал бесследно, он присоединялся к общему сопротивлению. Сведения о голодовках, забастовках, петиции и даже литературные произведения политзэков стали регулярно просачиваться наружу, словно в насмешку над идеей изоляции. Более того, лагеря оказались связующим звеном для различных групп возникающего в разных концах страны движения.

«Со второй половины 70-х годов основательно налажен информационный канал из заключения на волю, объем сведений о политзаключенных из разных регионов страны значительно увеличивается. Так, например, в ХТС № 7 данной теме соответствует шесть фактов, а в № 11 уже выделены самостоятельные подразделы о положении во Владимирской тюрьме и Мордовских лагерях. ХТС № 15 поместила список женщин-политзаключенных, перечень политзэков в ХТС № 27 от 15.08.72 занимает несколько страниц, а 33-й выпуск, насчитывающий более полусотни страниц, полностью посвящен Дню политзаключенного в СССР»³¹.

Деятельность по созданию ХТС явилась еще и важной психологической поддержкой для тех, кто отбывал срок за убеждения. Власть не только не смогла тюремной изоляцией сломить дух политзаключенных, но и не смогла обеспечить временное прекращение их правозащитной активности: самиздат обогатился информацией об условиях содержания узников совести, которые продолжали и в лагерях писать работы критического характера и пересылать их на волю. Содержание этих обращений позволяет сказать, что осужденные не отказываются от своих убеждений,

напротив, переосмыслив еще раз ситуацию в стране, утверждают в своей правоте и необходимости ее отстаивать.

Оправившись от шока первых крупных выступлений, власть приняла усилия для подведения под борьбу с ними «научной» основы. С этой целью было создано специальное V Главное управление КГБ (1969—1989). Изменились формы и методы борьбы с инакомыслием, став более разнообразными и изощренными. Судебные процессы вызывали широкую волну протестов в стране, способствовали росту и консолидации сил оппозиции. Этим объясняется тактика снижения числа политзаключенных при одновременном усилении давления на инакомыслящих, в том числе неправовыми методами.

Жестокость психиатрических репрессий заключалась в принудительном лечении препаратами, подрывающими здоровье и интеллект. Теоретически обоснованный диагноз «вялотекущая шизофрения» позволял объявить больным любого человека, чьи политические взгляды отличались от общепринятых. По свидетельству прошедших такое «лечение», это было страшнее, чем в тюрьмах и лагерях. «Страшна психиатричка здоровому человеку своей средой, но не менее страшно полное бесправие и безысходность. У больного СПБ нет даже таких мизерных прав, которые есть у заключенного. У него вообще нет человеческих прав. С ним могут делать все что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие жалобы не уйдут из больницы» (из записей П. Григоренко)³².

В «Хронике» информация об использовании психиатрии против инакомыслящих приводится в каждом выпуске, начиная с 8-го (1969). Кроме фамилий людей, признанных невменяемыми, в журнале публикуются сведения об акциях протеста, после которых их решено было отправить на судебно-психиатрическую экспертизу, о том, как проходили процессы по назначению мер принудительного лечения, каковы условия содержания в отдельных спецпсихбольницах и их адреса, воспоминания прошедших подобное заключение, действия общественных организаций по пресечению преступных методов³³.

Надо отметить, что в ХТС не просто даются справки о людях, отправленных на лечение в психиатрические больницы, но и от выпуска к выпуску отслеживается судьба каждого из них, насколько это возможно. Ведь функции правозащитного движения не сводились к провозглашению нравственных норм, к защите человека вообще. Отправным пунктом для многих правозащитников было сочувствие судьбам конкретных людей. Участь каждого пострадавшего за убеждения была предметом заботы десятков неравнодушных активистов, чьи принципы не допускали ущемления неотъемлемых прав и свобод человека.

В 1969 г. были признаны невменяемыми несколько человек (Григоренко, Горбаневская, Файнберг и др.)³⁴, а к 1970 г. психиатрический ме-

тод уже всерьез обсуждался Политбюро как возможный метод массовых репрессий против числа протестующих, метод, который не привлекал бы столь внимания мировой общественности, как судебные процессы³⁵. 13 августа 1971 г. Министерством здравоохранения СССР была согласована с МВД СССР новая инструкция, предоставляющая психиатрам право насильственной госпитализации лиц, «представляющих общественную опасность», без согласия родственников больного или «окружающих его лиц»³⁶.

В начале 1971 г. инициативная группа по защите прав человека (ИГ) обратилась к психиатрам разных стран с письмом о недопустимости и аморальности такого преследования свободомыслия в нашей стране³⁷.

Использование психиатрии в политических целях постоянно звучало злободневным вопросом в выпусках ХТС, в интервью западной прессе отдельных правозащитников, в заявлениях ИГ, Комитета защиты прав человека, а позднее – и Комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, созданной в рамках Московской Хельсинкской группы.

Кампания против карательной психиатрии, в которую включилась общественность Запада, достигла своего апогея в 1977 г., когда Всемирный конгресс психиатров в Гонулулу осудил советские злоупотребления³⁸, а к 1983 г. советскую делегацию исключили из Всемирной ассоциации психиатров.

Итак, с развитием движения за права человека государство выбирает в качестве способа борьбы с ним вопиющее нарушение этих прав. С одной стороны, такая политика власти подтверждает, что не то что соблюдать, но и считаться с правами человека она не намеревается, с другой — поскольку иные методы борьбы с правозащитниками исчерпаны, так как не дают действенных результатов. В выпусках ХТС также освещается деятельность различных правозащитных организаций. Представлены документы, заявления, обращения, адресованные властям, советской и мировой общественности, в которых выражается отношение к наиболее значимым событиям и фактам нарушения прав человека. В них указывается на несоблюдение законности властями, упоминаются конкретные факты, приводятся доказательства. В основном это обращения к правительствам и общественным организациям Запада, которые имели определенные рычаги влияния на Советский Союз.

В ХТС также сообщается о преследованиях членов правозащитных организаций, о международном резонансе, который вызвали их аресты.

Так, в выпуске № 32 после трех лет молчания появились первые заявления инициативной группы по защите прав человека о том, что во всех документах она сообщает только факты и убеждена в истинности

своих сообщений. Ее члены по-прежнему считают основным долгом защищать права человека в своей стране³⁹.

30 октября 1974 г. ИГ провела пресс-конференцию, где иностранным журналистам были переданы обращения и открытые письма политзаключенных. По инициативе ее участников 30 октября был признан Днем политзаключенного⁴⁰.

Большой интерес представляет деятельность Хельсинкских групп, созданных после подписания в 1975 г. Заключительного акта Хельсинкских соглашений. Правозащитное движение отреагировало на процесс разрядки международной напряженности усилением апелляции к Западу. 12 мая 1976 г. была создана Московская Хельсинкская группа (МХГ) во главе с Ю. Орловым. Главное содержание деятельности группа видела в сборе и анализе доступного ей материала о нарушении гуманитарных статей Заключительного акта и информирование о них правительств стран-участниц. Тактика МХГ — стимулировать давление Запада на советские органы власти с целью соблюдения прав человека в СССР⁴¹. Лауреат Нобелевской премии мира А. Д. Сахаров и председатель советской организации «Международная амнистия» В. Турчин дали самую высокую оценку факту создания МХГ, считая ее задачи чрезвычайно важными⁴².

Деятельность диссидентов 1976—1979 гг. теперь так или иначе связывалась с борьбой за разрядку и строилась вокруг Хельсинкских соглашений. С первых же шагов МХГ видно, что эта ассоциация стала точкой пересечения интересов всех течений диссидентства.

В ХТС последовательно освещается деятельность МХГ, публикуются ее документы. В январе 1977 г. МХГ составила и передала общественности и главам правительств стран — участниц Хельсинкских соглашений ряд документов (№16—19)⁴³. В 1976 г. был опубликован документ «Год после Хельсинки», где высказывается оценка, что советское правительство не намерено выполнять свои обязательства по правам человека⁴⁴.

В феврале 1977 г. арестованы руководители Московской и Киевской ХГ (Ю. Орлов, А. Гинзбург, Н. Руденко, Тихий). В ХТС широко представлены материалы следствия и судебных разбирательств над участниками ХГ. Особенно подробно освещены вопросы, касающиеся методов КГБ. Допросы бывших политзаключенных прошли по всей стране. Шантажом и угрозами охвачен большой круг лиц, чтобы получить доказательства несуществующей вины Ю. Орлова и А. Гинзбурга⁴⁵. Текст Хельсинкского соглашения включал право общественного контроля над его исполнением, но это не останавливало режим нарушать закон и осуждать участников МХГ по самой серьезной статье — статье 70 УК РСФСР.

Появление правозащитных объединений говорит о том, что диссидентское движение в целом вышло на новый рубеж своего развития. Не-

смотря на гонения и репрессии, оно оказалось способным к созданию организационных структур, продемонстрировав тем самым альтернативный способ существования советского общества – не пассивное состояние, когда прерогатива думать и действовать находится исключительно у государства, а активное соучастие в строительстве собственного настоящего и будущего. И хотя конечной цели — улучшения положения с правами человека в стране — они не достигли, и реальные результаты их работы были небольшими по количеству фактов выигранных дел, значение их деятельности было огромным. Это был первый опыт гражданской самоорганизации в советском обществе, когда правозащитники, не нарушая закона, нашли формы, способы общественного контроля в условиях жесткого централизма и идейной нетерпимости. Они шли к этому долгим путем правового просвещения, критического осмысления советской действительности, итогом которого стало признание прав человека высшей, абсолютной ценностью и апелляция к праву как единственно возможному методу защиты этих прав.

Просматривая в выпусках ХТС документы конца 1970-х гг., невозможно не отметить, с какой аккуратностью ссылались в своих выступлениях на тонкости закона участники движения во время судебных процессов. Хорошо изучив законодательство, правозащитники многократно обращались к различным органам власти с указанием на нарушения советских законов. А на судебных процессах приходилось доказывать (хоть и безрезультатно), что сообщение фактов государственным органам с целью информировать эти органы вовремя о нарушении законов не является составом преступления и не может быть квалифицировано по статье 190-1 УК РСФСР.

По предъявленным осужденным обвинениям читатель ХТС может ознакомиться с их «послужным списком», конечно, прокомментированным в свете официальных идеологических догм. В обвинительном заключении можно узнать, в составлении и распространении каких документов принимал участие подсудимый, какими «враждебными силами» был использован каждый из документов (радиостанция «Свобода», издательство «Посев», империалистическая пропаганда, ХТС и др.). По «клеветническим» документам достаточно точно освещаются мысли автора. И — никаких контраргументов властей, одни формулировки статей.

По выпускам ХТС можно вычленил ряд активных правозащитников. Это в первую очередь люди, которые пытались и теоретически осмыслить перспективы развития общества на основе признания прав личности и активно участвовали в общественном движении нравственного сопротивления тоталитарному режиму.

К их числу относится один из основателей Комитета по защите прав человека в СССР физик В. Чалидзе. В ХТС, начиная с 10-го выпуска, по-

стоянно аннотировался его сборник избранных текстов самиздата «Общественные проблемы». Важными направлениями в деятельности по защите прав человека он считал изучение советских законов, опыт международного права и просвещение читателей самиздата. В одном из разделов сборника регулярно публиковались документы Комитета прав человека и материалы, отражающие юридическую практику в стране. В рубрике «Дискуссии» помещались рецензии, критика произведений, вышедших в самиздате.

Чалидзе предпочитал действовать легально, не нарушая законов, избегая столкновений с властью. Он считал, что при любом строе права человека могут быть гарантированы и защищены.

О внесудебных преследованиях В. Чалидзе, в результате которых он был вынужден покинуть страну, сообщает ХТС № 16.

Заметной фигурой в правозащитном движении был и А. Амальрик — историк-публицист. В ХТС публикуется его открытое письмо, во многом отражающее его нравственную позицию: «...Предпосылкой свободы во круг нас является свобода внутренняя... при которой власть может многое сделать с человеком, но не в силах лишить его моральных ценностей». Амальрик осуждает философию бессилия и самооправдания. «Никакое насилие не может быть эффективным без тех, кто готов этому насилию подчиняться»⁴⁶.

В ХТС также приводится информация о суде над Амальриком. Ему инкриминировалось составление и распространение эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», подвергнувшего критическому анализу политику партии, заметок «Нежелательное путешествие в Сибирь» и других документов (ст.190-1 УК РСФСР). В судебном разбирательстве Амальрик участвовать отказался⁴⁷.

Яркой и незаурядной вырисовывается фигура А. Сахарова — по осмыслению и охвату общественных проблем, поиску их разрешения (мыслит он глобально, мировыми масштабами), по активной многосторонней общественной деятельности в правозащитных организациях.

На страницах ХТС можно проследить, как шла борьба идей в поиске дальнейшего пути России. Это и критический отзыв представителей технической интеллигенции Эстонии на глубоко философские сахаровские «Размышления...», где авторы статьи считают, что Сахаров необоснованно много надежд возлагает на научно-технические средства, экономические меры и «добрую волю руководителей общества, на здравый смысл людей», что он видит причины и предпочитает средства внешние, материальные, пренебрегая внутренними, духовными⁴⁸.

Подобные разногласия с Сахаровым у другого видного деятеля движения — Солженицына, отразившего свои взгляды на демократизацию общественной жизни в «Письме вождям Советского Союза»⁴⁹.

По выпускам ХТС можно отследить общественную деятельность Сахарова: это и письмо 1970 г.⁵⁰ и «Памятная записка» руководству страны⁵¹, и создание Комитета защиты прав человека⁵², и обращения в высшие государственные и судебные инстанции по защите конкретных невинно осужденных людей. В выпуске № 44 помещена подборка документов, связанных с деятельностью Сахарова⁵³.

Таким образом, в «Хронике текущих событий» можно почерпнуть богатый материал по истории правозащитного движения в СССР. Ее рубрики отражают различные аспекты деятельности правозащитников, сообщая не просто отдельные факты, а предоставляя систематическую информацию по одним и тем же проблемам.

От выпуска к выпуску ХТС становится очевидно, как правозащитное движение, хоть и малочисленное, развивается, становясь с каждым годом все более зрелым и значительным вопреки попыткам тоталитарной власти с ним покончить.

В условиях тоталитарного политического режима плюрализм мнений как реализация права на свободу убеждений недопустим, так как противоречит интересам государства, которые оно охраняет всеми доступными ему средствами. Эти способы могут быть и незаконными (психиатрия в политических целях, внесудебные политические преследования и др.), так как, обладая монополией в области идеологии, партия может навязать обществу любую интерпретацию событий, скрыв тем самым антиправовые методы поддержания идейного единства.

Ярчайшим примером примата интересов государства над интересами общества и отдельного человека явились политические судебные процессы над диссидентами. И с правовой, и с нравственной точки зрения невинность правозащитников была очевидна, но отношение к закону как средству осуществления политики государства, идеологическая окрашенность формулировок позволяли отправлять людей за их убеждения в тюрьмы и лагеря.

Идеологическая обработка масс, манипулирование общественным мнением притупляет у граждан понимание своей реальной роли в жизни общества. Создается иллюзия демократии, порожденная теми ценностными ориентирами, которые взяты на вооружение и внедрены в общественное сознание. Однако главное последствие отрицания приоритета прав человека над правом класса и общества, понижения и принижения роли личности — формирование общества людьми политически инертными и незаинтересованными.

В этих обстоятельствах особенно примечательным представляется факт появления в СССР людей, в сознании которых приоритетное место занимают права отдельной личности в качестве высшей ценности и неременного условия развития здорового общества. Диссидентское дви-

жение не было однородным или массовым, но общим было ощущение нравственной несовместимости с несправедливым и жестким к человеку общественным строем. Его стержнем стала борьба за права человека в СССР. Суть правозащитной деятельности сводилась в первую очередь к борьбе за права отдельного человека, а потом уже к решению проблем общественного и государственного устройства. Правозащитники отличались от пассивного окружения типом социального поведения, желанием принимать активное участие в жизни общества и готовностью к ответственности за свою судьбу.

Даже в условиях тоталитарного государства диссиденты смогли наладить систему неподконтрольного распространения идей и информации, осуществив тем самым свое законное право на свободу убеждений, создали общественные институты в виде правозащитных организаций, которые пытались контролировать деятельность государства в области прав человека. Международное давление на Советский Союз с требованием обеспечения основных свобод, которое смогли спровоцировать правозащитники, в целом ситуацию с правами человека в стране не улучшило, но, несмотря на это, смысл их опыта заключается в другом.

Для того, чтобы какая-либо идея охватила все общество, сначала она должна завладеть умами небольшой его части. Правозащитники, вступившие на путь оппозиции сначала из почти интуитивного осознания несправедливости режима, пришли к пониманию самоценности человеческой личности, обеспечение прав и интересов которой является показателем нравственности политики, зрелости общества, уровня его правовой культуры. Представители правозащитного движения посредством правового просвещения сами в себе выработали идеалы права, научились использовать закон как единственно допустимый язык диалога между обществом и государством. Именно такой уровень правовой культуры делает возможной перспективу построения правового государства и гражданского общества.

¹ См.: Безбородов А. Б. *Историография истории диссидентского движения в СССР 50—80-х гг.* // Сов. историография. М., 1006. С. 401—423.

² См.: Малухин В. *Случай Милославского* // Независимая газета. 1993. 1 окт.; Кара-Мурза С. Г. *Евреи, диссиденты и еврокоммунизм*. М., 2001.

³ См. об этом: Медведев Р. *Генсек с Лубянки*. М., 1993; *Он же*. *Неизвестный Андропов*. Ростов н/Д, 1999; Дж. Хостинг. *Предпосылки образования гражданского общества в период «застоя»* // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 604—614; Зинovieв А. А. *Об оппозиции в коммунистическом обществе* // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. М., 1992. С. 52—64; Прищепа А. И. *Инакомыслие на Урале (сер.1940-х – сер.1980-х)*. Сургут, 1998; *Власть и оппозиция: Российск. полит. процесс XX столетия*. М., 1995.; Богораз Л., Даниэль А. *Диссиденты* // 50/50: Опыт слов. нового мышления. М., 1989; и др.

- ⁴ См., например: Диссиденты о диссидентстве // Знамя. 1997. № 9; *Богораз Л., Голицын В. Ковалев С.* Политическая борьба или защита прав? // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). М., 1991; *Литвинов П.* О движении за права человека в СССР // Самосознание. Нью-Йорк, 1976. С. 71–89; *Буковский В.* Московский процесс. М., 1996.
- ⁵ Адрес сайта: www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm
- ⁶ ХТС № 25—30. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm (далее все ссылки на номера ХТС этого сайта даются сокращенно — только с указанием номера ХТС).
- ⁷ Хроника текущих событий. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.memo.ru/history/diss/chr
- ⁸ № 1, 5, 8.
- ⁹ № 3, 4.
- ¹⁰ № 3, 8, 10.
- ¹¹ № 12.
- ¹² № 26, 28, 30.
- ¹³ № 27, 30.
- ¹⁴ № 32.
- ¹⁵ № 34, 35, 36, 41.
- ¹⁶ № 34, 38.
- ¹⁷ № 1, 4—13, 15, 17, 26, 28—30, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 43.
- ¹⁸ № 17.
- ¹⁹ № 29.
- ²⁰ № 1.
- ²¹ № 8.
- ²² № 1, 2, 5—9, 11, 13—65.
- ²³ № 6.
- ²⁴ № 1.
- ²⁶ № 5.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ № 4.
- ²⁹ № 16.
- ³⁰ № 24.

- ³¹ Русина Ю. А. «Хроника текущих событий – самое большое достижение правозащитников...» // Изв. Урал. гос. ун-та. [Сер.] Проблемы образования науки и культуры. Вып. 14. 2003. № 27. С. 127.
- ³² № 11.
- ³³ № 8—65.
- ³⁴ № 8.
- ³⁵ См.: Медведев Р. Неизвестный Андропов. 1999. С. 149.
- ³⁶ № 28.
- ³⁷ № 18.
- ³⁸ № 47.
- ³⁹ № 32.
- ⁴⁰ № 33.
- ⁴¹ № 40.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ № 45.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ № 45, 46.
- ⁴⁶ № 11.
- ⁴⁷ № 17.
- ⁴⁸ № 5.
- ⁴⁹ № 32.
- ⁵⁰ № 13.
- ⁵¹ № 26.
- ⁵² № 16.
- ⁵³ Русина Ю. А. Указ. соч. С. 129.